

10. Смирнова Я. С. Трудовые роли и статусы женщины в традиционных обществах народов Кавказа // Этнографическое обозрение. 1997. № 4. С. 48—60.
11. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М. : Смысл, 1998. 386 с.
12. Тыкова А. А. Эволюция социального статуса адыгской женщины в обществе : гендерный подход. Майкоп : Изд-во МГТУ, 2006. 126 с.
13. Хоперская Л. Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. Ростов н/Д : СКАГС, 1997. 143 с.
14. Шоранова З. В. Гендерное равенство в культурно-историческом развитии народов Северного Кавказа : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2010. 21 с.
15. Юг России: проблемы, прогнозы, решения : сб. науч. ст. / гл. ред. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д : ЮНЦ РАН, 2010. 320 с.
16. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. М. : Омега-Л, 1998. 629 с.

ББК 60.542.21-26

У. К. Мутаев

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ ДАГЕСТАНСКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Под социальным пространством понимаются физические и мировоззренческие границы женской и мужской функциональности в обществе, определяемые хозяйственными, социально-политическими, идеологическими и культурными факторами. П. Бурдые характеризует его как «многомерное пространство позиций, в котором любая существующая позиция может быть определена, исходя из многомерной системы координат, значения которых коррелируют с соответствующими различными переменными...» [1, с. 53—54]. К позициям, характеризующим гендерную специфику социального пространства жителей Дагестана, можно отнести семейное, политическое и культурное поля, которые имеют достаточно четкую иерархию и структуру.

Социальное пространство женщин Дагестана исторически формировалось под воздействием не только хозяйственно-экономических и общественных условий жизни, но и господствовавших в обществе на каждом этапе развития идеологических взглядов, этнокультурных традиций, постулатов исламской религии, гендерных стереотипов о предназначении полов.

Общеизвестно, что статус женщин, проживавших в Дагестане 100 лет назад, отличался существенным ограничением политических и гражданских прав по сравнению с мужчинами. Положение мужчин и женщин в традиционном мусульманском обществе утверждало разные схемы двух жизненных основ, обеспечивая изначальное, условно природное превосходство мужчины над женщиной. В советский период дагестанские женщины активно обучались грамоте, получали образование в вузах и техникумах, становились ведущими специалистами, реализовывались во властных структурах.

Обучение русскому языку, вовлечение в профессиональную и общественную деятельность значительно расширили сферу самореализации женщин, раздвинув тем самым границы социального пространства. Однако следует отметить, что эти процессы в большей степени были распространены в городской среде. В сельской местности и в советский период население придерживалось традиционных для ислама представлений о главенстве мужчины в семейном, политическом и культурном полях.

В результате экономических и социально-политических трансформаций, произошедших в России после распада СССР, дагестанское общество оказалось под влиянием сразу двух культур: традиционной исламской с ее патриархальными устоями и цивилизованной модернистской, ориентированной на гендерное равноправие. Сегодня на улицах Махачкалы можно встретить и «закрытую» мусульманку, и европейскую раскрепощенную модницу.

Исследование повседневных практик показывает заметную дифференциацию социального пространства дагестанских женщин в зависимости от места проживания. Так, для городских женщин и обучающихся в городах сельнок стандартом является общее и профессиональное образование, им доступны телевидение и Интернет, участие в общественной и политической деятельности. В городах для женщин существует негласный запрет на посещение баров и других развлекательных заведений, но эти ограничения нередко не соблюдаются. Дагестанские женщины активнее мужчин усваивают русские паттерны восприятия действительности и в определенной степени играют роль проводников русской культуры. Например, махачкалинки практически без акцента говорят по-русски, интересуются русской и западной культурой. Открытость городских женщин для цивилизованных поведенческих схем, желание усвоить нормы и ценности российского общества свидетельствует о существенном объеме инкорпорированного культурного капитала.

Тем не менее сегодня в Дагестане реализуется еще спектр социальных практик, которые условно можно назвать иждивенческими, особенно они развиваются в среде женщин. К числу таких практик прежде всего следует отнести жизнь на пособия по безработице, пенсию по инвалидности и т. п. Многие женщины и мужчины в республике «выправляют» себе пенсии по возрасту или по инвалидности и живут на эти деньги, практически нигде не работая. Мало того, что такой образ жизни приносит прямой ущерб государству, от этого страдают и различные сферы народного хозяйства. С каждым годом все большее количество семей на селе отказываются от содержания домашнего скота, от возделывания огородов и садов. В регионе, славившемся своей сельскохозяйственной продукцией: мясом, овощами, фруктами, — в магазинах и на продовольственных рынках торгуют импортными товарами, и доля их постоянно растет. Все это обуславливает высокие показатели безработицы [2] и замедление экономического развития республики. В итоге создается благодатная почва для роста протестных настроений, которые реализуются в экстремизме и террористической деятельности. В отношении же дагестанских женщин, особенно в сельских регионах, нужно сказать, что их нежелание работать еще больше закрепляет их дома, в семье, препятствует самореализации в других сферах общественной жизни, в целом способствует архаизации дагестанского общества.

Между тем сельское население республики втрое превышает по численности городское. В отличие от городов, в селах Дагестана наблюдаются процессы возрождения исламской и патриархальной национальной культуры, снижения роли и уровня школьного образования, определенной архаизации общества, что приводит к жесткому структурированию социального пространства женщин. Для традиционных мусульманских обществ, к которым относится и дагестанское, характерно присвоение социального пространства мужчинами, поэтому женщинам выделяются те его участки, которые выпадают из спектра интересов мужчин.

Например, в селах Дагестана четко определены места, традиционно закрепленные за мужчинами и женщинами. Для мужчин это площадь у магазина или клуба, где они собираются каждый вечер (годекан). Местом общения женщин определен родник, куда они ходят не просто за водой, но и чтобы поделиться новостями. Женское социальное пространство достаточно закрыто и существует параллельно мужскому. Скажем, на свадьбе мужчины и женщины сидят за разными столами и встречаются только в танце. Здесь необходимо отметить: чем сильнее воздействие религиозного фактора на сельское сообщество, тем интенсивнее гендерное разграничение пространства. В этом смысле технический прогресс в виде отопления, воды и прочих бытовых благ в доме приводит к еще большей изоляции женщины, уже не имеющей возможности «сбежать» из дома даже к роднику.

Поле семьи для дагестанской женщины является самой понятной сферой социального взаимодействия, правила которого десятилетиями передаются от матери к дочери, от поколения к поколению, и эта норма характерна для традиционного уклада жизни большинства и сельских, и городских семей Дагестана. Восприятие женщины как матери, хранительницы очага относится к числу устойчивых гендерных стереотипов общественного сознания. Гендерные роли в семье дифференцированы: к женским обязанностям, среди прочего, относится приготовление пищи, поддержание порядка, к мужским — зарабатывание денег (основной заработок), строительные и ремонтные работы в доме. Воспитанием детей, как правило, занимаются оба родителя. В случае развода дети остаются с отцом.

Для дагестанской семьи характерен патриархальный уклад, который интенсивно поддерживается не только непосредственно членами семьи и родственниками, но и общиной в целом (соседями, односельчанами). Мужчина имеет в семье приоритетные позиции, вне зависимости от того, сколько он зарабатывает или какой вес имеет в обществе. Зачастую даже в тех случаях, когда женщины зарабатывают больше, денежные средства в семье контролируют мужчины [3, с. 119—125]. В этом смысле семья для женщины, особенно в сельских районах Дагестана, сохраняет приоритет над другими сферами жизни.

Политическое поле в Дагестане является безусловной мужской территорией. Влияние женщин в сфере политики довольно слабое, а в сельской местности практически сведено к нулю. Если в советское время руководящие позиции в колхозах, совхозах, в учреждениях социальной сферы и сферы образования были доступны для женщин, то сегодня они постепенно с них вытесняются, в особенности в сельской местности.

Что касается экономического капитала, то в Дагестане его основными обладателями также являются мужчины как наиболее «капитализированные» агенты взаимодействия. Это связано прежде всего со сложившейся социально-экономической структурой общества, в котором сегодня самой выгодной — с экономической точки зрения — является работа во властных и силовых сферах, где вершина иерархии монополизирована мужчинами. Весь крупный бизнес в регионе связан с властью, либо напрямую: «крупные чиновники — крупные бизнесмены», либо опосредованно, через семейные, родственные или клановые связи. Тем не менее в городах женщины довольно интенсивно реализуются в сфере мелкого и среднего предпринимательства, предположительно даже доминируют в ней. Они, в силу некоторых культурных особенностей, в основном занимаются мелкооптовой и розничной торговлей одеждой и другими товарами из Турции, заняты в сфере услуг, в сфере торговли продовольственными товарами. Это связано с традиционным, но вновь набирающим обороты отношением к такого рода торговле как сфере исключительно женской, недостойной мужчины. Мужчины если торгуют, то в основном стройматериалами, скотом, мясом, автомобилями, техникой или тем, что сделали сами: головными уборами, сувенирной продукцией, оружием, инструментами и др.

В результате положение современных дагестанских женщин осложняется конфликтом между нормами светского общества и обычаями и исламскими традициями, причем он характерен и для города, и для сельской местности, с разной степенью интенсивности. Этот конфликт накладывает определенную специфику на границы и содержание женского социального пространства. Несмотря на различия в уровне образования, образе жизни, ценностных ориентациях горожанок и селянок Дагестана, в основе их социальных практик переплетаются традиционные исламские практические схемы и социальные практики, усвоенные в советское время. В зависимости от ситуации социальное пространство дагестанской женщины детерминируется либо исламскими, либо цивилизованными нормами. Это можно проследить в поведении горожанок при посещении родственников в сельской местности. Приезжая в село, они повязывают косынку, хотя, живя в городе, многие из них предпочитают этого не делать.

Таким образом, социокультурную модель жизненного пространства современной дагестанской женщины можно охарактеризовать как модель взаимопроникновения исламизированного и цивилизованного стилей жизни. Детерминантами преобладания того или иного стиля выступают место проживания, уровень образования, сфера занятости, характерные для общественного сознания гендерные стереотипы.

Библиографический список

1. Бурдые П. Социология социального пространства : пер. с фр. / отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М. : Ин-т экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. 576 с.
2. Занятость и безработица в республике Дагестан // Уровень безработицы в Российской Федерации. URL: http://уровень-безработицы.рф/республика_дагестан.aspx (дата обращения: 13.02.2013).
3. Лыткина Т. С. Трансформация семьи и домашнего хозяйства // Социол. исслед. 2008. С. 119—125.